

DOI 10.35775/PSI.2025.123.11.003

УДК 172.3

Р.А. МАЛЬСАГОВ

аспирант, ФГБОУ ВПО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
Россия, г. Москва
E-mail: RuslanMalsag@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕИСЛАМСКОГО НАРРАТИВА: ПРИЗМА РЕВИЗИОНИСТСКОЙ ШКОЛЫ

Статья представляет аналитический обзор ревизионистской школы исламоведения, возникшей в западной историографии в 1970-е годы и предложившей новый взгляд на раннюю историю ислама. Цель исследования – проанализировать ключевые гипотезы и методологию ревизионистов, выявить их эвристический потенциал для политологического анализа процессов формирования религиозных и политических институтов раннего ислама и их влияния на современные формы политического ислама. Методы включают сравнительный анализ исламских и внеисламских источников, а также рассмотрение эпиграфических, нумизматических и археологических данных, исследований ориентации ранних мечетей и филологического анализа текста Корана. Результаты показали, что данный подход позволяет по-новому осмыслить традиционные представления о месте и обстоятельствах возникновения ислама, о характере ранних завоеваний и о хронологии формирования канонических текстов, а также выявить потенциал этих дискуссий для анализа механизмов легитимации власти в халифате. **Выводы** подчеркивают, что, несмотря на критику (*argumentum ex silentio*, избирательность интерпретаций), ревизионистские исследования стимулировали развитие междисциплинарного подхода, обогатили исследовательскую повестку и открыли новые перспективы для изучения современных феноменов политического ислама.

Ключевые слова: кибла, ревизионизм, эпиграфика, нумизматика, хроники, эсхатология, сира, хадисы, тафсиры, литургия.

Введение. С 1970-х гг. в западной историографии сложилось направление, которое в русскоязычной литературе обычно называют «ревизионистской (критической) школой» исследований раннего ислама. Ревизионистская школа подвергает сомнению устоявшиеся нарративы, предлагая критический анализ на основе археологии, эпиграфики, нумизматики и неисламских источников.

Ряд исследователей, относимых к ревизионистской школе, выдвигают оригинальные гипотезы: об исламе как о первоначально просто монотеистическом движении, включавшем арабов и евреев; его зарождении на северной окраине Аравийского полуострова (например, в Петре, с чем может быть связан

последующий перенос киблы – направления молитвы – на Мекку); об исторической недостоверности существования Мухаммеда (трактуя это имя как титул); о преимущественно светском характере ранней арабской экспансии.

Ключевые фигуры школы – Джон Уэнсбро (1928-2002), Гюнтер Люлинг (1928-2014), Иегуда Нево (1932-1992) и Джудит Корен, Карл-Хайнц Олиг (1938-2024), Герд Пуин (1940), Майкл Кук (1940), Патрисия Кроун (1945-2015), Норман Колдер (1950-1998), Эндрю Риппин (1950-2016); а также более поздние авторы, включая немецкого профессора семитологии и арабистики под псевдонимом Кристоф Люксенберг; Дэна Гибсона (1956), Роберта г. Хойланда (1966) и т.п. – поставили под сомнение традиционные датировки, географию, хронологию и т.д. раннеисламских событий и текстов, делая упор на внешние (немусульманские) источники, эпиграфику, нумизматику и лингвистический анализ. Их подходы различаются от умеренной критики («пересмотр трактовок») до радикального оспаривания общепринятых положений (сомнения в исторической Мекке, более поздняя хронология кодификации Корана и т.п.).

В последние десятилетия критическое исламоведение стало предметом не только религиозоведческих и исторических исследований, но и политологического анализа. Интерес к нему связан с тем, что переосмысление ранних исламских нарративов непосредственно затрагивает вопросы формирования институтов власти, моделей легитимации и политических идентичностей в исламском мире.

Основная часть. В своей методологии ревизионисты в качестве одного из главных инструментов привлекают, как упоминалось, немусульманские письменные источники. Поскольку классические мусульманские нарративы (сиры, хадисы, тафсиры) фиксировались в письменной форме спустя 150-250 лет после описываемых событий, критики стараются обращаться к свидетельствам современников – византийским, армянским, персидским хроникам.

Так, в сирийских хрониках VII века (например, «Хроника 640 года» Пресвитера Фомы) [19. С. 5-12] фигурируют арабы и их завоевания, но отсутствуют термин «ислам» и имя Мухаммада – речь идет просто о монотеистическом религиозном направлении. Армянский историк Себеос описывает учение арабов близким еврейскому [21]. В византийских источниках также встречается упоминание о появлении «пророка среди сарацин», но без деталей, соответствующих исламскому канону [22]. Арабы часто называются «агарянами», а не мусульманами. Вместо исламской мотивации им приписывается, в союзе с евреями, следование иудейскому мессианству, для отвоевания Земли Обетованной у Византии [3. С. 68; 9. С. 311-317]. Ревизионисты используют такие несоответствия для аргументации тезиса о том, что ислам в ранний период был неотделим от более широкой монотеистической среды Ближнего Востока и что его институционализация (и отмежевание от христианства и иудаизма) происходила постепенно (в основном – в результате редактирования в VIII в. иудео-христианских источников) [3; 8; 9].

Главное достоинство рассматриваемого подхода – опора на надежные данные: датированные тексты, привязанные к конкретному месту и времени. Это позволяет соотносить мусульманское повествование со внешними свидетельствами и уточнять хронологию событий. Однако работа с такими источниками также сопряжена с трудностями: они кратки, часто полемичны и не всегда достоверны. Слабость аргументов, построенных исключительно на этих свидетельствах, заключается в риске **argumentum ex silentio** («аргумента из молчания») – отсутствие упоминаний не всегда равно отсутствию события.

Также важное место в работе критической школы занимает обращение к материальным источникам – монетам, надписям, строительным и погребальным памятникам VII-VIII вв. Эти данные позволяют независимым образом реконструировать исторический контекст и проверять нарративы консервативной историографии.

Что касается нумизматики – здесь особый интерес закономерно сосредоточен на монетах раннеисламского периода. В одной из работ Патрисии Кроун и Майкла Кука [1] утверждается, что халифат чеканил монеты с изображением христианских символов, включая кресты, а слово «ислам» впервые появляется при Абд аль-Малике ибн Марване (до того мусульмане называли себя просто «верующими»), сыгравшем важную роль в переработке текста Корана [1. С. 20-22, 29]. По мнению исследователей, это свидетельствует о том, что ислам как религиозная система был в процессе становления.

Исследователи Егуда Нево и Джудит Корен в своем капитальном труде, посвященном истокам ислама, систематизировали нумизматические материалы из пустыни Негев и прилегающих регионов. Они также пишут, что до 690-х гг. монеты и надписи не содержат упоминаний ни имени Мухаммада, ни термина «ислам» или «мусульмане» [15. С. 410-413; 16. С. 1-52]. Лишь при Абд аль-Малике (685-705) появляются монеты с исламскими символами и постепенно исчезают христианские элементы. По их мнению, это указывает на глубокую реформу вероучения в конце VII века.

Критики такого подхода отмечают, что выводы чрезмерно зависят от датировок конкретных находок, не учитывая другие факторы, включая региональные особенности (в разных областях Халифата переходили на новые типы чеканки с разной скоростью) и т.д. [5. С. 145-152]

Эпиграфия служит еще одним инструментом ученых-ревизионистов. В результате исследований каменных надписей в Негеве и Сирии, Нево и Корен также отметили, что ранние арабские надписи имеют монотеистический, но еще не «исламский» характер – встречаются формулировки вроде «Аллах» или «Господь», но отсутствуют коранические цитаты и упоминания о Пророке.

Контраргумент консервативных исследователей заключается в том, что отсутствие конкретных исламских формул в надписях, опять же, не является доказательством отсутствия религии. Эпиграфические данные крайне фрагментарны, и большинство надписей имели хозяйственное или мемориальное

назначение, а не богословское. Р. Хойланд указывает, что в ряде случаев встречаются надписи с упоминанием Мухаммада уже в первой половине VII века [7. С. 152-160].

Хотя в совокупности эпиграфические и нумизматические данные используются для аргументации более позднего формирования исламской идентичности, общепринятый подход интерпретирует их как подтверждение постепенной институционализации уже существующей религии, а не как доказательство ее изначального отсутствия.

Следующим пунктом в списке обоснований для пересмотра привычных постулатов выступает анализ киблы ранних мечетей. Самой известной фигурой на этом поприще стал Дэн Гибсон, автор «Коранической географии» и ряда последующих работ.

Проанализировав более 60 мечетей VII-VIII вв. с использованием спутниковых снимков и геодезических методов, он заключил, что ориентация первых мечетей указывает не на Мекку, а на Петру (современная Иордания). По его расчетам, отклонения от направления на Петру в ряде случаев составляют менее одного градуса, что он интерпретирует как осознанную задумку строителей [4. С. 45-60]. Гибсон считает, что ранние мусульмане почитали Петру как священный центр, а перенос киблы на Мекку произошел лишь в эпоху Абд аль-Малика или аль-Валида I, когда формировалась новая религиозная идеология [4. С. 200-215]. Его гипотеза предполагает не только географическую, но и культурную «смену центра» исламской традиции.

Критики называют методы Гибсона сомнительными: он использует современные геодезические технологии, тогда как методы ориентации VII века по звездам и солнцу давали существенные погрешности (до 5-6 градусов), и ранние мечети вполне могли ориентироваться на условный юг без строгого указания на Мекку [11. С. 200-215]. Кроме того, некоторые из приводимых мечетей могли иметь практические ограничения из-за рельефа местности или структуры застройки. Р. Хойланд отмечает, что гипотеза Гибсона интересна как вызов привычным взглядам, но не имеет поддержки в академической среде [7. С. 88-94].

Тем не менее исследования ориентации киблы стимулировали новые археологические изыскания и более детальные исследования конструкции ранних мечетей, что стало вкладом ревизионистов в развитие исламоведческой археологии.

Критическое исламоведение уделяет значительное внимание лингвистическим и филологическим подходам, и анализу языка Корана, как одному из немногих ранних письменных источников исламской традиции. Центральное место здесь занимает работа К. Люксенберга, в которой он выдвинул гипотезу о сиро-арамейской «прослойке» в тексте Корана.

Ученый утверждает, что многие трудные и неясные места Корана становятся более понятными, если читать их через призму сиро-арамейского языка, широко использовавшегося в Аравии и Сирии в VI-VII вв. Например, знаменитый образ гурий в раю он предлагает читать как «белый виноград» («хур» как сиро-арам.

«белый»), а не как «девы» [12. С. 245-255]. Он также указывает на параллели между кораническими выражениями и формулировками сирийской христианской литургии.

Эти идеи вызвали широкий резонанс, но и серьезную критику. Рецензенты отмечали, что Люксенберг порой слишком вольно перестраивает арабские слова под сиро-арамейские корни, что не всегда филологически корректно [20. С. 387-402].

Другим важным исследователем в данном направлении является г. Люлинг, пытавшийся реконструировать предполагаемые доисламские христианские гимны, лежащие в основе некоторых сур Корана. Он полагал, что ислам возник на базе еретических арабских христианских общин, а Коран – результат редакции их литургических текстов [13. С. 60-75].

К.-Х. Олиг и группа немецких исследователей в коллективной монографии «Скрытые истоки ислама» также развивали идею, что «ислам» как термин и религия оформился позднее, чем предполагает традиция, и что первые поколения арабов рассматривали себя скорее как просто монотеистическое движение в рамках широкой ближневосточной религиозной среды. Имя Мухаммада они связывают с христологическим определением Иисуса как посланника, мессии и т.д., предполагая, что титул «мухаммад» (с араб. – «достойный похвалы» или «восхваляемый») оторвался от своего первоначального значения и был передан арабскому пророку. Авторы акцентируют внимание на надписях и наименованиях, где отсутствует упоминание Мухаммада до реформы Абд аль-Малика [17. С. 45-52].

Сторонники консервативного взгляда указывают, что гипотезы страдают избирательностью и не всякая трудность текста требует обращения к сиро-арамейскому субстрату. Исламовед Гаральд Моцки отмечает, что значительная часть «неясных» аятов имеет убедительное толкование в рамках классической арабской филологии [14. С. 620-635]. Кроме того, ученые-традиционалисты подчеркивают, что параллели с христианской литургией могут объясняться культурным обменом и общими семитскими корнями, а не прямым заимствованием.

Тем не менее данные филологические исследования в свою очередь стимулировали более широкий интерес к раннеарабскому языку, сирийским и арамейским текстам, что позволило уточнить этимологию ряда коранических слов и лучше понять многообразие религиозной жизни в Аравии VII века.

Ревизионистская школа оказала значительное влияние на исламоведение благодаря своей междисциплинарности и стремлению опираться на надежные источники: монеты, надписи, археологические памятники. Эти исследования подтолкнули академическое сообщество к более внимательному отношению к раннесредневековым мусульманским документам, помогли уточнить датировки событий зари ислама.

Так, работы Кроун и Кука стимулировали целый пласт исследований о политической и религиозной ситуации в раннем Халифате, гипотеза Гибсона побудила к новым археологическим изысканиям, филологические исследования

Люксенберга и Люлинга привели к появлению более подробных работ, посвященных сиро-арамейским заимствованиям в арабском и т.д.

Что касается методологических слабостей ревизионизма, то главным объектом критики служит чрезмерная опора на аргумент *ex silentio*. Вторым моментом – гипотезы порой страдают от избыточной спекулятивности и недостаточной проверки альтернатив. Например, реконструкция киблы Гибсона предполагает недостижимую для VII века точность ориентации, а филологические предложения Люксенберга часто требуют радикальных перестановок в тексте Корана, расходящихся с источниками.

Многие исследователи подчеркивают, что ревизионизм полезен для исламоведения как интеллектуальный вызов [3. С. 55-70; 14. С. 640-648], но его крайние формы не находят широкого признания. Научный консенсус склоняется к методологическому синтезу: использованию нумизматики, эпиграфики и лингвистики как дополнение к исламской традиции, но не в качестве ее полной замены.

Закключение. Корпус внеисламских свидетельств – один из ключевых инструментов критического исламоведения, поскольку он предоставляет независимый взгляд на события, происходившие в Аравии и соседних регионах VII-VIII вв. В отличие от мусульманской традиции, которая была записана через несколько поколений после событий (в основном в IX в.), христианские хроники, письма, надписи и административные документы фиксируют восприятие мусульманских завоеваний и раннего халифата в более близких к событиям временных рамках, что позволяет полноценнее реконструировать общую картину [7. С. 117-125]. Внешние свидетельства играют роль «проверочного инструмента» и помогают уточнять хронологию событий и тщательнее соотносить позднейшие мусульманские нарративы с действительностью. Кроме того, обращение к таким источникам стимулирует междисциплинарные исследования, сочетая филологию, текстологию, археологию, историческую географию и т.д.

Тем не менее использование внешних свидетельств требует большой осторожности. Большинство сирийских, армянских или византийских хроник написаны авторами, которые воспринимали арабов как врагов или как «бич Божий» и интерпретировали события через призму эсхатологии. Например, *Doctrina Jacobi* (ок. 634 г.) изображает «пророка, явившегося с арабами» как ложного мессию [7. С. 57-62]. Это ценное, но очевидно полемическое свидетельство восприятия ислама современниками-иноверцами.

Существуют и проблемы датировок – часто тексты оказываются дошедшими до нас в поздних копиях, иногда через переводы, что затрудняет установление их исходной редакции. Так, армянская хроника Себеоса фиксирует важные сведения об отношениях арабов и византийцев, но остается дискуссионной в плане датировки: ее окончательная редакция могла быть составлена спустя десятилетия после описываемых событий [5. С. 240-247].

Часто ревизионисты опираются на молчание источников: если какой-то хронист не упомянул Мухаммеда или Коран, делается вывод, представление о них еще не сформировалось. Но отсутствие упоминания не всегда означает

отсутствие факта – оно может быть связано с фокусом хрониста на других темах, с недостаточной информированностью и т.д.

Наиболее продуктивный подход – не противопоставлять внешние источники мусульманской традиции, а сочетать их между собой и с материальной культурой (надписями, монетами и т.п.), что позволит минимизировать риск односторонних реконструкций и учесть весь комплекс доступных данных [3. С. 37-42].

Внеисламские свидетельства обладают огромной ценностью как независимый материал, но и их нужно интерпретировать критически, учитывая контекст, жанр, идеологические установки авторов и сопоставляя с внутренними исламскими источниками и свидетельствами археологии. «Тотальная ревизия» лишь на их основе рискует оказаться столь же односторонней, как и некритическое следование только религиозной историографии.

Проведенный анализ показывает, что подход ревизионистской школы способствует более глубокому пониманию природы исламской традиции в ее историческом развитии. Оно выявляет изменчивость тех нарративов, которые на протяжении веков воспринимались как незыблемые. Обращение к ранним источникам с использованием критического подхода позволяет тщательнее проследить эволюцию религиозных и социальных институтов. Таким образом, рассмотренное направление в исламоведении имеет значение не только для реконструкции ранней истории ислама, но и для анализа современных форм политического ислама, где вопросы легитимации и сакрализации власти остаются ключевыми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Cook M., Crone P.** Hagarism: The Making of the Islamic World. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
2. **Crone P.** Meccan Trade and the Rise of Islam. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1987. (позднее переиздание: Gorgias Press, 2005).
3. **Donner F.** Narratives of Islamic Origins: The Beginnings of Islamic Historical Writing. Princeton, NJ: Darwin Press, 1998.
4. **Gibson D.** Quranic Geography. Wilmington, DE: Bexley Publications, 2011.
5. **Howard-Johnston J.** Witnesses to a World Crisis: Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford: Oxford University Press, 2010.
6. **Hoyland R.** In God's Path: The Arab Conquests and the Creation of an Islamic Empire. Oxford: Oxford University Press, 2015.
7. **Hoyland R.** Seeing Islam as Others Saw It: A Survey and Evaluation of Christian, Jewish and Zoroastrian Writings on Early Islam. Princeton, NJ: Darwin Press, 1997.
8. **Humphreys R. Stephen.** Early historical tradition and the first Islamic polity // Islamic History: A Framework for Inquiry. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.
9. **Jansen H.** Mohammed: Eine Biographie / aus dem Niederländischen von Marlene Müller-Haas. München: C.H. Beck, 2008.

10. **King G.** The Orientation of Early Mosques: Archaeology, Geography and Qibla Directions // *Journal of Semitic Studies*. 2018. Vol. 63. No. 1.
11. **King G.** The Petra Fallacy // *Journal of Semitic Studies*. 2018. Vol. 63. No. 2.
12. **Luxenberg C.** Die syro-aramäische Lesart des Koran: Ein Beitrag zur Entschlüsselung der Koransprache. Berlin: Verlag Hans Schiler, 2000.
13. **Lüling G.** Über den Ur-Qur'an: Ansätze zur Rekonstruktion vor-islamischer christlicher Lieder im Koran. Kiel: Verlag für Orientalwissenschaft, 1974.
14. **Motzki H.** The Origins of the Qur'an: Classical Arabic Sources and Islamic Traditions. Leiden: Brill, 2005.
15. **Nevo Y., Koren J.** Crossroads to Islam: The Origins of the Arab Religion and the Arab State. Amherst, NY: Prometheus Books, 2003.
16. **Nevo Y., Koren J.** Methodological Approaches to Islamic Studies // *The Quest for the Historical Muhammad*. Amherst, NY: Prometheus Books, 2000.
17. **Ohlig K.-H.** The Hidden Origins of Islam / *Early Islam: Collectanea of the German School*. Leuven: Peeters, 2008.
18. **Ohlig K.-H., Puin G.R.** (eds.) The Hidden Origins of Islam: New Research into Its Early History. Amherst, NY: Prometheus Books, 2009.
19. **Palmer A., Brock S.P., Hoyland R.G.** The Seventh Century in the West-Syrian Chronicles. Liverpool: Liverpool University Press, 1993.
20. **Sinai N.** Review of Luxenberg, C. Die syro-aramäische Lesart des Koran // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 2006. Vol. 69. No. 3.
21. **Sebeos.** The Armenian History Attributed to Sebeos / transl. R.W. Thomson. Liverpool: Liverpool University Press, 1999.
22. **Waines D.** Excursus on Islamic Origins / *An Introduction to Islam*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
23. **Wansbrough J.** Quranic Studies: Sources and Methods of Scriptural Interpretation. Oxford: Oxford University Press, 1977.

R.A. MALSAGOV

Postgraduate, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

THE FORMATION OF THE EARLY ISLAMIC NARRATIVE: A REVISIONIST PERSPECTIVE

The article presents an analytical overview of the revisionist school of Islamic studies, which emerged in Western historiography in the 1970s and offered a new perspective on the early history of Islam. The aim of the research is to analyze the key hypotheses and methodology of the revisionists, to identify their heuristic potential for the political analysis of the processes of formation of religious and political institutions of early Islam, and to examine their influence on contemporary forms of political Islam. The methods employed include comparative analysis of Islamic and non-Islamic sources, as well as the study of epigraphic, numismatic, and archaeological data, investigations into the orientation of early mosques, and philological analysis of the Qur'anic text. The results demonstrate that this approach makes it possible to reconsider traditional views on the place and circumstances of the emergence of Islam, the nature of the early conquests, and the chronology of the formation of canonical texts, while also revealing the potential of these debates for analyzing the mechanisms of legitimation of power in the caliphate. The conclusions emphasize that, despite criticism (argumentum ex silentio, selective interpretations), revisionist studies have stimulated the development of an interdisciplinary approach, enriched the research agenda, and opened new perspectives for the study of contemporary phenomena of political Islam.

Key words: qibla, revisionism, epigraphy, numismatics, chronicles, eschatology, sīra, hadith, tafsīr, liturgy.